

СПЕЦНАЗ

ОШИБКА ЛИКВИДАТОРА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Ошибка ликвидатора / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2017. — 288 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-04-004061-2

За убийство наркоторговца капитану ГРУ Максиму Онучину грозит суд и уголовное наказание. Но капитан — профессионал экстра-класса, такими, как он, не разбрасываются. Руководство ГРУ предлагает Онучину поступить на службу в сверхсекретное подразделение ликвидаторов. При этом ему придется стать человеком вне закона: сменить фамилию, расстаться с семьей и забыть свои прежние заслуги. Максим соглашается. Неожиданно очередная операция группы пошла не по плану, а сам Онучин стал заложником обстоятельств, грозящих новым крутым поворотом в его жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-04-004061-2 ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ГЛАВА 1

Приятное, признаюсь, это ощущение — собственная значимость. Тут и дрожжей не требуется. Так стремительно поднимается личная, возможно, не всегда объективная, самооценка. Вплоть до заоблачных высот. А это, как я понимаю, уже не есть слишком хорошо. Данный момент может помешать в сложной ситуации, не позволит сделать реальную оценку своих и чужих возможностей.

Маленький остроносый вертолетик «Белл 407» управлялся всего одним пилотом. Машина прибыла по мою душу и приземлилась на плацу военного городка, который несколько лет назад был приспособлен под посадочную площадку. Хотя ни в каких документах никто не решался называть ее вертолетодромом.

Мне был предложен шикарный выбор. Я мог лететь на месте второго пилота или в пассажирском VIP-салоне. Я, конечно, не являюсь очень важной персоной, но такое отношение все же льстило мне. Приятно было

осознавать, что до меня на этом маленьком вертолетике катались, скорее всего, различные генералы ФСБ. Именно этому почтенному ведомству он и принадлежал.

Я заглянул внутрь, чтобы узнать, как летают эти самые VIP-персоны. Из салона открывался прекрасный обзор с любого из четырех кресел. Мне, привычному к военным вертолетам, иногда даже бронированным, их величина показалась огромной, просто небывалой.

Но в излишне мягком кресле мне одному было бы скучно даже в коротком перелете до Моздока. Вылетали мы одновременно с рассветом. У меня была возможность смотреть вдаль и вниз во все стороны.

Но я выбрал пилотскую кабину. Мой извозчик был в шлеме с наушниками. Шею ему опоясывала полоска ларингофона, с помощью которого он общался то с диспетчером, то еще с какой-то службой, то со своим командованием. Разговаривать с ним было практически невозможно.

Да и вид у него был мрачноватый. Мне сразу бросилось в глаза, что пилот из разряда молчунов. Тяжелая нижняя челюсть, как правило, подчеркивает именно эту черту характера человека. Но лететь в салоне, пусть

и очень удобным, было бы еще скучнее, чем рядом с этим человеком.

Я часто летал на винтокрылых машинах, в общем-то достаточно привык к ним, но никогда не видел ни у одной такого обширного переднего остекления. Даже дверца была здесь прозрачная до самого пола. Я открыл ее, забрался в кабину и устроился рядом с пилотом.

Мне можно было вылетать. Свое штатное оружие я уже сдал начальнику штаба майору Оглоблину.

Формально, под роспись, сдавать ротные дела не стал. Я хотел, чтобы ни у кого не было возможности поинтересоваться, каким образом сбежавший заключенный умудрился сдать дела своей роты. Почему при этом никто его не задержал и не сопроводил в СИЗО на растерзание вертухаям, голодным до этого дела.

Я все сказал старшему лейтенанту Шершневу, которого сам и рекомендовал на освободившееся место командира роты спецназа ГРУ, когда мы ехали в боевой машине пехоты от Махачкалы до военного городка отряда.

Наша колонна состояла из БМП, трех грузовиков, кузова которых были укрыты тента-

ми, и двух бронетранспортеров, украшенных эмблемами с летучей мышью на фоне земного шара. Они шли в замыкании.

Патрульные машины ДПС на дороге стояли по-прежнему. Рядом с одной из них отдыхал бронетранспортер ОМОНа. Самых омоновцев в отличие от минувшего дня, когда они курили на броне, теперь видно не было. Видимо, солдаты спали в траве рядом с дорогой и не проснулись, когда наша колонна проследовала мимо. Крепкие парни из ОМОНа дрыхли на свежем воздухе без задних ног. Инспекторы ДПС тоже изволили почивать.

Механик-водитель БМП, младший сержант контрактной службы из автороты, со смешком констатировал, что на руле их автомобиля лежат чьи-то ноги. Мы со старшим лейтенантом Шершневым сами этого не видели, но даже выглядывать не стали. Ментам тоже иногда полагается спать. Тем более что пост здесь стоял уже вторые сутки, караулил меня. Эти ребята дважды встречались со мной лицом к лицу, но узнать не смогли.

Короче говоря, до военного городка спецназа ГРУ я добрался без проблем, хотя был уже без значительной части своего грима. Подполковнику Саенкову из ФСБ я позвонил еще с места проведения последней опера-

ции. Он обещал тотчас же заняться подготовкой для меня вертолета. Потом Валентин Валентинович позвонил мне сам, сообщил, что пилот сейчас в отъезде. Он вернется только через два часа. Полковнику удалось найти его и созвониться с ним. Как только этот человек появится, он сразу вылетит на нашу вертолетную площадку. Механики уже готовят его машину. Место, куда лететь, пилот знает. Он уже бывал здесь. Да и диспетчер давно проложил маршрут, которым следует лететь.

Два с лишним часа мне выпало на сборы и на прощание с ротой. Я поговорил с начальником штаба отряда и представил личному составу нового командира. Он пока будет только исполнять обязанности, тем не менее, как человек, с ротными делами знакомый не понаслышке, является вполне вероятным претендентом на эту должность. Конечно, решать все будут в батальоне, в бригаде и в Москве, но там, надеюсь, согласятся.

Я сам руководил последней операцией и написал рапорт о ее проведении, потом заставил старшего лейтенанта Шершнева копировать текст своей рукой и подставить под ним закорючку. Таким вот образом получилось, что Шершнев уже командовал ротой

в ходе проведения боевой операции, хотя до этого он отвечал только за свой взвод.

Мне было не жалко того маленького кусочка славы, который выпал на долю старшего лейтенанта. А она здесь присутствовала.

Обычно все операции по захвату бандитов, засевших в домах, проходят куда более шумно, с обильной стрельбой, с применением бронетехники, хотя бы ради прикрытия. Дом обязательно получает повреждения. Порой изрядно достается и близлежащим строениям. Иной раз все они сгорают напрочь.

Мы же обошлись двумя выстрелами внутри дома и четырьмя — в подземном ходе. После этого все было кончено. Не пострадал никто из мирных жителей. Все их имущество осталось в целости и сохранности.

Спецназовцы МВД и даже ФСБ, наверное, уже и не помнят таких удачных и тихих дел на своем счету. Они привыкли брать дома штурмом, не желают загрузить голову хитростью и стараются исключить минимальный риск. Но с таким подходом эти ребята никогда не проведут ни одной толковой операции.

Когда бронетранспортер выбивает дворовые ворота или проламывает забор, чтобы создать проход, он всегда рискует нарваться на встречный выстрел гранатомета или

даже кое-чего пострашнее. Например, наши бандиты имели на вооружении два огнемета «Шмель». Об этом доложил мне из подземного хода старший лейтенант Шершнев.

В момент атаки десант, как правило, внутри бронемашины не находится. С собой рискуют только механик-водитель и стрелок-наводчик. Бойцы двигаются позади транспортера, укрываются за ним. Если он будет поражен, в нем детонирует боезапас, то мало никому не покажется. Машину просто разнесет. Солдаты, находящиеся рядом, погибнут или получат тяжелые ранения.

Проход во двор будет закрыт корпусом бронетранспортера. Вернее, тем, что от него останется. Запускать в дело второй или боевую машину пехоты, если они есть в наличии, никто не будет. Ведь и их запросто может постичь та же участь.

Тогда начнется долгий бой, который наверняка завершится практически полным уничтожением дома, в котором жили люди. Да и соседним постройкам тоже изрядно достанется. Окон они наверняка лишатся. Стены дома будут посечены пулями и осколками. Эта боевая работа займет несколько часов.

А перед самой операцией придется отключать по всей линии газ. Для этого необхо-

димо будет найти трезвого и дееспособного слесаря, что не всегда удается сделать без предварительной договоренности. Потом, после боя, начнется обстоятельная проверка всей системы газоснабжения, которая может быть повреждена пулями или осколками. Жителям квартала подключат газ только к середине следующего дня. Это в самом лучшем случае.

Память об этой операции в людях засядет надолго. Они будут рассказывать, как героически защищались бандиты, как долго военные не могли с ними справиться, хотя и превосходили их числом и вооружением. Это тоже пойдет не на пользу федеральным силам.

На нашу операцию люди среагировали однозначно. Мол, что, уже?..

— Уже. — Ответили мы и уехали, оставив участкового старшего лейтенанта полиции Даутова выводить людей из убежищ, в которые он их загнал.

В рапорте, который подписал старший лейтенант, я не забыл отметить и роль этого стража порядка, который продемонстрировал свои навыки карате, выбил автомат из рук Бурилят Манаповой. Участковый по сути дела пробежал по стене, хотя и всего-то полтора

шага. Его толчок ногой и все, что за ним последовало, весьма впечатлили меня. Я решил на первой же тренировке по рукопашному бою отработать такое движение. Технически это казалось мне не слишком сложным. Я успел увидеть и запомнить траекторию, по которой перемещалось его тело. Там главное — взять резкий разбег в два шага, когда летишь к стене. От быстрого старта зависит все остальное.

Вертолет поднял меня быстро. Пилот обошелся без ненужных вопросов о цели этого полета. Я даже не знал, что отвечал бы на них. Наверное, отделялся бы стандартными фразами типа «оперативная необходимость».

А вот ответ на вопрос о том, почему для полета был выделен вертолет ФСБ, тогда как у нас и своих хватает, причем куда более мощных и скоростных, был мне вполне ясен. Гонять ради одного человека боевой вертолет не разрешало командование, а оперативная необходимость требовала, чтобы я как можно скорее прибыл в Москву.

О том, что лететь мне после Моздока предстоит именно туда, пилот вертолета знал. Он сообщил, что самолет из столицы

уже отправился за мной. До Моздока он доберется скорее всего быстрее, чем мы, поскольку скорость имеет приличную.

Я даже не стал спрашивать, какой именно самолет летит за мной, сделал умный солидный вид, однозначно означавший: «Да, конечно. Я в курсе». Взлетная полоса на аэродроме моздокской бригады серьезная. Ее используют даже тяжелые десантные самолеты.

Я, честно говоря, так и не разобрался толком, кому принадлежит этот аэродром, бригаде или ВКС, да никогда и не ставил себе такую цель. Мне, простому командиру роты спецназа, не годится соваться в дела, которые меня не касаются.

Да и с самой моздокской бригадой творилась какая-то весьма темная история. Ее тоже не понять простому командиру роты, поскольку мне при моей должности таких тонкостей не докладывают. Вначале, помню, она так и называлась — отдельная бригада специального назначения. Сейчас именуется проще — отдельная разведывательная. Официально бригада подчиняется командованию Южного военного округа, а не ГРУ. Хотя она и была сформирована на базе нескольких подразделений нашего спецназа. То ли соединение по инерции продолжало до сих пор

выполнять задания ГРУ, то ли было передано назад.

Первоначальное переподчинение происходило во времена того самого министра обороны, которого буквально все в армии, даже солдаты, презрительно звали Табуреткинским. Тогда началась передача бригад спецназа ГРУ под командование округов, то есть фактическое уничтожение элитных подразделений войсковой разведки. Таким вот образом бригада спецназа ГРУ стала называться Сотой отдельной разведывательной. Кажется, в ее официальном названии присутствует даже слово «экспериментальная». Но время экспериментов прошло.

А в данный момент все это меня вообще касалось очень мало. Я просто летел к коллегам-разведчикам, откуда должен был отправиться в Москву. Там мне предстояло сменить профиль своей деятельности.

По пути я взглядом прощался с Кавказом. Пусть он и называется Северным, но все равно куда более приятен, чем, допустим, Южный Урал. Места тут курортные и весьма привлекательные. Горы, которые оставались под нашими ногами, не были настоящими, серьезными. Те располагались намного южнее.